

КОММУНИКАТИВИСТИКА И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

Филология и миссиональная герменевтика: онтология коммуникации

Philology and Missional Hermeneutics: Ontology of Communication

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-6-74-79

Получено: 16 сентября 2022 г. / Одобрено: 22 сентября 2022 г. / Опубликовано: 26 декабря 2022 г.

Б.Г. Бобылев

Д-р пед. наук, канд. филол. наук, профессор,
Межрегиональная просветительская
общественная организация
«Объединение православных ученых»,
e-mail: boris-bobylev@yandex.ru

B.G. Bobylev

Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Philological Sciences, Professor,
Interregional Educational Public Organization
«Association of Orthodox Scientists»,
e-mail: boris-bobylev@yandex.ru

Аннотация

В статье освещается методологическая связь филологии и миссиональной герменевтики в коммуникативном и онтологическом аспектах.

Цель. Раскрытие онтологических основ коммуникации, осуществляющейся через сакральные и художественные тексты в историко-культурном, эстетическом и богословском контексте.

Методология, методы и методики. В ходе исследования используются общенаучные и конкретно-научные методы, применяются системно-обзорный, контекстно-герменевтический, духовно-экзистенциальный и полипарадимальный подход.

Научная новизна. Научная новизна исследования состоит в обосновании синтеза и принципиальной взаимообусловленности коммуникативного («технического») и онтологического (субстанционального) аспектов, «интерпретации» и «понимания», «метода» и «истины» на основе «благой вести», личного усвоение смысла текста как обращенного к читателю Слова.

Практическая значимость. Исследование создает предпосылки для совершенствования методики и технологии филологического, риторического, лингвостилистического и функционально-коммуникативного анализа текста.

Ключевые слова: миссиональная герменевтика, Александрийская школа, библейское тринитарное богословие, теория читательского отклика, филологический анализ текста, онтология коммуникации.

Abstract

The article highlights the methodological connection between philology and mission hermeneutics in communicative and ontological aspects.

Goal. Disclosure of the ontological foundations of communication carried out through sacred and artistic texts in a historical, cultural, aesthetic and theological context.

Methodology, methods and techniques. In the course of the research, general scientific and specific scientific methods are used, a system-overview, contextual-hermeneutic, spiritual-existential and polyparadimal approach are applied.

Scientific novelty. The scientific novelty of the research consists in substantiating the synthesis and fundamental interdependence of the communicative (“technical”) and ontological (substantive) aspects, “interpretation” and “understanding”, “method” and “truth” based on the “good news”, personal assimilation of the meaning of the text as a Word addressed to the reader.

Practical significance. The research creates prerequisites for improving the methodology and technology of philological, rhetorical, linguo-stylistic and functional-communicative analysis of the text.

Keywords: mission hermeneutics, Alexandrian school, biblical trinitarian theology, theory of reader response, philological analysis of the text, ontology of communication.

Введение

Возникновение филологии как науки непосредственно связано с изучением и толкованием текста Библии, традицией экзегетики (Александрийская школа) [18]. Филология как ключевая область гуманитарного знания была изначально ориентирована на постижение Слова как Откровения, явленного в Священном Писании и, шире, в языке, литературе, «словесности» [4]. Христианское богословие и филология эпохи Вселенских соборов заложили коммуникативные и онтологические основы филологического анализа текста Священного Писания (ориентация на диалог, возможность которого обеспечивается незримым присутствием Спасителя: «Христос посреди нас»). Очень важным методологическим моментом является экзистенциальное измерение библейской экзегетики: установка не только на усво-

ение смысла и понимание, но целожизненное, личностное усвоение Божественного слова, которое воспринимается как обращенное именно «ко мне», побуждающее изменить, преобразовать себя.

Обзор литературы

Оформление герменевтики на основе развития принципов понимания текста, выдвинутых Блаженным Августином («верь, чтобы понимать», «понимаю, объясняю»; принцип контекстуального анализа, принцип конгениальности читателя и текста) в начале предполагало неразрывное единство знания и веры. Однако в Средние века под влиянием томизма, разделившего знание и веру: «Истина находится в составляющем и разделяющем ум» (Фома Аквинский), — на первый план выдвигается рациональный аспект понимания. Данная тенденция усиливается в Новое

время. Параллельно происходит разделение филологии на лингвистику, литературоведение и риторику; оформляются как самостоятельные науки текстология и теория коммуникации (в конце XX в.). Герменевтика приобретает в XIX столетии статус философской метадисциплины (Ф. Шлейермакер, В. Дильтей), вместе с тем в XX в. вновь усиливается филологическая составляющая герменевтики; М. Хайдеггером выдвигается принцип: «Язык как дом бытия», тем самым на новом уровне происходит возврат к экзистенциальному, онтологическому измерению экзегетики Александрийской школы. Ганс Георг Гадамер продолжает данную тенденцию, считая понимание моментом человеческой жизни и рассматривая произведения словесного искусства как явление Праздника, «воплощения вновь обретенной связи всех со всеми» [8, с. 275]. Приобщение к Празднику как выражению вневременной, вечной Истины делает возможным обретение людьми связи друг с другом и достижение понимания как «света ведения», если использовать терминологию Григория Богослова (святитель рассматривает историческую реальность как «свет ведения... свет преобразовательный и соразмерный с силами воспринимающих... прикрывающий Истину и тайну великого Света» [18, с. 583]). Эксплицитное возвращение герменевтики к своим богословским корням происходит в работах Поля Рикера, который, говоря о множественности смысла текста, предлагает относиться к тексту как к живому развивающемуся объекту, который вторгается в мир читателя и изменяет его [15].

Надо сказать, что в самой филологии с конца 10-х гг. XX в. усиливаются центростремительные тенденции. Выдающуюся роль в их развитии сыграло «Общество по изучению поэтического языка» (ОПОЯЗ), созданное отечественными филологами в 1916 г. В недрах ОПОЯЗа оформляются идеи лингвистического и литературоведческого структурализма, сосредоточивающего внимание на формальных особенностях текста, в том числе на описании его языковой структуры (Л.В. Щерба, В. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, Б. Эйхенбаум, Л.П. Якубинский, Б.В. Томашевский, Н.С. Трубецкой, Р. Якобсон, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.); в работах постструктураллистов (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Р. Барт, Ю. Кристева и др.) оформляется подход, согласно которому на первый план при анализе и понимании текста выдвигается способность языка формировать наше понимание мира, образ слов и мыслей об этом мире, одновременно провозглашается «смерть автора» и развивается тезис о первостепенной роли читателя в формировании смысла текста. С точки зрения философской и филологической герменевтики XX в. (Г. Шпет, М.М. Бахтин, М. Хайдеггер,

Г.Г. Гадамер, П. Рикер и др.) язык рассматривается как «дом бытия», определяющий горизонты нашего понимания текста, основной моделью понимания текста становится диалог, который подразумевает внимание и уважение мнению других, способность к терпению, а также стремление к взаимопониманию. Это, конечно, не предполагает обязательного отказа человека от собственных убеждений. В последнее время активное развитие получает «герменевтика интерсубъективности», в рамках которой ведется критика рационального (Просвещение) и иррационального (романтизм) понимания субъекта, осуществляется «реабилитация» онтологической парадигмы [14; 21; 22].

Особым явлением филологической мысли минувшего столетия являются работы отца П. Флоренского, академика А.А. Ухтомского, А.Ф. Лосева и его ученика профессора С.С. Аверинцева, где закладываются методологические основы для возвращения филологии в лоно богословия. Так, С.С. Аверинцев в одной из своих последних статей, осуществляя филологический анализ «Евгения Онегина», пишет о том, что «классическая форма... задает свою меру всеобщего, его контекст, — и тем выводит из тупика частного». При этом ученый склонен видеть «религиозную ценность пушкинской поэзии... не столько в учитивом ответе владыке Филарету или в переложении преп. Ефрема Сирина, сколько в неуклонной верности контрапункту, в котором человеческому голосу, говорящему свое, страстное, недобродетельное, нестройное, отвечает что-то вроде хора сил небесных — через строфiku, через отрешенную стройность ритма. Старые поэты — все больше грешники, но вящий грех и притом непроходимая глупость — пытаются словить их поэзию на слове, потому что в ней-то всегда есть не только слово, но и тайный, потому что метасловесный, музыкальный ответ на слово» [1, с. 205].

Чрезвычайно важны замечания профессора Аверинцева о соотношении формы и содержания художественного произведения. При этом указывается, что форма выступает как контрапункт по отношению к содержанию, и сама несет в себе иконическое, содержательное начало. Если понимать под «содержанием» отдельную человеческую жизнь, то «форма» выступает как путь к преодолению этой отдельности и самозамкнутости, всего частного, случайного, греховного, заключая в себе напоминание о Божественной целостности и красоте, о Божьем Мире» [1, с. 205]. В «содержании слышится человеческий голос, в форме же звучит органный фон для этого голоса, музыка сфер» [1, с. 204]. Таким образом, у Аверинцева гениально угаданная идея Л.С. Выготского о контрапункте формы и содержания произведения искусства [7] получает дополнительную

глубину, приобретая духовное, онтологическое измерение. В данной связи также можно отметить высказывание Мориса Метерлинка о скрытом, подразумеваемом диалоге, который всегда присутствует в великих произведениях искусства слова: «*Рядом с необходимым диалогом почти всегда идет другой диалог, кажущийся лишним. Вы увидите, что достоинство и продолжительность этого бесполезного диалога определяет качество и не поддающуюся выражению значимость произведения*» [13, с. 72].

Методы и материалы

В качестве настоящего знамения времени, серьезного прорыва не только в развитии христианского богословия, но и всей гуманитарной сферы человеческой культуры и науки в целом можно расценивать появление в конце двадцатого века «миссионарской герменевтики». Данное направление богословской и гуманитарной мысли человечества возникает в значительной степени как ответ на вызовы постструктурализма деконструктивизма, которые опираются на богатейший теоретический и технологический инструментарий филологии XX в. Так, постструктураллист Стэнли Юджин Фиш утверждает: смысл заключен в динамичном переживании прочтения... комментарий предшествует тексту; творец значений — читатель: «истина — это то, что устраивает нас в данный момент». Имея ярко выраженную атеистическую направленность, постструктурализм реанимирует древнюю идею софистов об отсутствии абсолютной истины в мире и текстах. «*Участь наша есть участь Пилата: теоретически истину вопрошать, что есть истина; истина не отвечала Пилату: истины не призваны отвечать на вопросы об истине... за истиной следуют без вопросов*» [2].

Надо сказать, что миссионарская герменевтика дает достойный ответ на вопросы тех, кто стремится ниспровергнуть Истину «воинствующим абсурдом последних дней» (Хабермас), отрицанием смысла и Истины в мире. Профессор школы евангельского богословия Троицы (Дирфилд, штат Иллинойс) Кевин Дж. Ванхузер в сократической манере, как бы вставая на позицию постструктураллистов, задает острые вопросы и дает на них весьма содержательные ответы, обладающие значительной объясняющей силой.

«Вопрос: «*Есть ли в жизни смысл или каждому из нас приходится изобретать его заново*».

Ответ: «*Вопросы значения и интерпретации текста неразрывно связаны с тем, что значит быть человеком*» [12, с. 24].

Вопрос: «*Можно ли читая найти Бога?*»

Ответ: «*Герменевтика касается не только истолкования Библии, но и все жизни, поскольку все — от*

симфонии Брамса до крика младенца есть “текст”, т.е. проявление человеческой жизни, требующей интерпретации» [12, с. 28].

В рамках рассматриваемой в настоящей работе темы последний ответ имеет для нас особый интерес. Здесь очевидна перекличка с приведенными выше словами С.С. Аверинцева. В реальности присутствует глубинный смысл, жизнь человека с точки зрения Истины (онтологии) предстает в виде сотворчества и «текста»; произведения искусства соотносительны с Библией, требуя истолкования в контексте высокого Авторства.

Представители миссионарской герменевтики указывают на то, что представление об авторе-человеке тесно связано с представлением о Боге; «смерть автора» приводит к тому, что «текст становится пустым залом, где мы слышим эхо собственных голосов» [12, с. 28].

Согласно Дерриде, написанное — голос всех учителей и текстов, оказавших на пишущего влияние [11]. Постструктуралсты отрицают наличие бытия вне игры знаков, утверждая, что субъект никогда не осознает себя до конца, все понятия засорены языком, плод его игры письмо, которое также представляет собой, подчеркивается фактор непостоянства, присущий в каждой попытке общения: мы никогда не знаем, что именно обозначает знак; обращаясь к словарю мы находим там другие знаки; словарь обнаруживает относительность и дифференциальность значений. В этой связи «ощущение присутствия автора» рассматривается как эффект письма. Осуществляя критику независимого субъекта, утверждая, что ситуация владеет нами больше, чем мы ею, Деррида солидаризируется с Марксом, Фрейдом, Ницше, стоящими на материалистических и атеистических позициях.

В своей полемике с постструктуралстами миссионарская герменевтика встает на защиту смысла и автора, утверждая, что смысл представляет собой «послание, которое автор стремится передать посредством текста; хорошее толкование — встреча разумов писателя автора и читателя» (Эрик Дональд Хирш). Идеи Дерриды квалифицируются как «форма воинствующего абсурда последних дней» (Юрген Хабермас); самого же философа называют «богословом когнитивного атеизма». «Смерть Бога» относится к «Богу философов», а не к Богу, явившему себя в Иисусе Христе, подчеркивает Брайан Инграффия. «Смысл, который говорящий вкладывает в свои слова, в конечном счете основывается на вере в существование Бога» (Георг Штайнер). В этой связи Кевин Джон Ванхузер, опираясь на герменевтические концепции Гадамера и Рикера, переосмысливая идеальные и технологические достижения филологии XX в.,

в частности, теорию речевых актов, развивает теоцентрическое видение современной герменевтической ситуации: «Бог — необходимое условие существования всякого значения и толкования (он же) Бог открывает Себя человеку: Божье откровение выражается в творении, Христе и Церкви... Язык — не код, определяющий субъекта, а завет, наделяющий носителя языка достоинством и ответственностью» [12, с. 284–296]. Язык рассматривается в качестве средства формирования модели понимания мира с помощью метафор. «Мы освобождаемся Истиной, а не от Нее. Общая сумма наших речевых актов показывает, кто мы есть, потому что они и делают нас теми, кто мы есть. Наше слово связывает нас с миром, с другими людьми, с самими собой и с Богом. Коммуникативное действие есть вид личного свидетельства, где присутствие автора подразумевается в сказанном. Автор прежде всего — свидетель» [12, с. 354–353].

В миссиональной герменевтике текст рассматривается как сложный процесс взаимного общения читателя и автора, как «семантическое таинство, выступающее в качестве посредника иного: авторского взгляда на мир, свидетельства очевидца» [12, с. 339].

Энтони Тисельтон применительно к новозаветным текстам пишет об «экзистенциальном познании Бога в любой своей форме, независимо от того, идет ли речь о спасении или просто о счастье; новозаветные авторы намеревались не описывать окружающую действительность, а исповедовать веру; во Христе истина Божия произносится, воплощается и проживается» [16, с. 185].

Православный богослов Теодор Стилианопулос вслед за Джеймсом Пэкером называет Бога «великим герменевтом», указывая: «Основным интерпретатором является Святой Дух в Его личной инициативе и благодатном присутствии. „Дух дышит, где хочет... Постижение глубочайшего смысла Священного Писания возможно только благодаря присутствию и действию Христа Воскресшего и Духа в контексте смиренной, благоговейной и молитвенной христианской жизни. Только Бог может явить Бога, и Бог дарует Себя восприимчивым умам и сокрушенным сердцам, слышащим Благую весть...» [19, с. 231].

В миссиональной герменевтике ставится вопрос о «толковательном тринитарстве». В библейском тринитарном богословии Бог одновременно считается автором, посланием и способностью восприятия: «Триединый Бог является конечным выражением коммуникативной деятельности: речевой деятель, который произносит, воплощает и выполняет Свое Слово» [12, с. 677].

Весьма важное методологическое значение имеет рассмотрение текста как «словесной иконы» (Уильям

Уиммсат). Данный подход заставляет нас вспомнить «образ автора» В.В. Виноградова, развивавшего эту идею применительно к художественному тексту задолго до появления работ в области миссиональной герменевтики. Текст очерчивает «подразумеваемое лицо автора» и определяет его присутствие; при этом каждое лицо подобно иконе — видимое всем проявление личности. Лицо — это символ и таинство. Текст идентичен личности. Лицо говорит, важно прислушаться к голосу иного и не заглушать его.

Достаточно активно используются в работах по миссиональной герменевтике также идеи М.М. Бахтина о внутренней диалогичности текста [3]. Текст «читает» читателя, который находит в нем новый способ восприятия мира и самого себя. Текст помогает читателю лучше понять самого себя. При этом миссиональной герменевтикой берется на вооружение «теория читательского отклика», которая сосредоточивает внимание на активной роли в восприятии текста самого читателя, который реализует потенциал текста, истолковывая и понимая его, принимая участие в формировании смысла текста. В этой связи Э. Тисельтон сочувственно цитирует высказывания Роберта В. Функа: «Слово благодати... делит читательскую аудиторию на старших и младших сыновей — на грешников и фарисеев... Притчи толкуют нас... Фарисеи — это те, кто настаивает на своем праве толковать слово благодати, вместо того чтобы позволить ему толковать их» [16, с. 334].

В современной миссиональной герменевтике осуществляется синтез богословия и филологии, ее новейших достижений в XX в. Вбирая данные достижения в себя, миссиональное богословие существенно расширяет теоретический и практический инструментарий толкования как текстов Священного Писания, так всей современной социокультурной ситуации. Наряду с уже упоминавшийся теорией речевых актов широко используется терминологический и технологический аппарат структурной лингвистики и поэтики, стилистики декодирования, нарратологии. В работе доктора богословия Питера Пеннера «Миссиология и герменевтика» обосновывается выделение таких миссиологических направлений, как «нарративная герменевтика», «нарративное богословие» и «нарративная миссиология» [20, с. 122–132].

Одним из наиболее интересных и плодотворных опытов использования филологического инструментария в миссиональной герменевтике является труд православного священника и богослова Иоанна Брека, профессора Владимирской православной богословской семинарии в Крествуде (штат Нью-Йорк) «Хиазм в Священном Писании». В данной работе раскрываются значительные объясняющие возможности хиазма, трактуемого не только как стилистический

(риторический) прием, но и как универсальная литературная форма, «состоящая из двух или более параллельных строк, выстроенных вокруг центральной темы» [6, с. 10]. Отец Иоанн подчеркивает: «Благодаря уникальности своей литературной конфигурации, основанной на обратном параллелизме в сочетании с концентрической, спиралевидной формой, он дает герменевтический ключ, незаменимый для правильного понимания библейских текстов» [6, с. 11]. Профессор Брек одухотворяет технический прием анализа, усматривая в самой форме выражения указание на смысл целого: «Содержание хорошего стихотворения раскрывается не столько через построчное развитие темы, сколько благодаря тому, что можно было бы назвать “целостным впечатлением” ... поэзии присущее свойство “самопояснения”, благодаря которому каждое слово или фраза поясняет каждое через другое, каждую через другую. Поэзия может и “рассказывать” о чем-то, но в основном она развивается по спирали, а не по прямой, движение происходит от центральной темы, вокруг нее, а не только направлено к ней. Подобно лепесткам цветка, стихотворный язык разворачивается из середины, и тем не менее приводит глаз обратно к самой его сердцевине» [6, с. 18]. Постижение текста согласно подходу Брека — восхождение по спирали смысла. Здесь присутствует скрытый образ лестницы, символизирующей восхождение души к Богу. Мы можем также в данном случае усмотреть параллель с мыслями профессора С.С. Аверинцева о том, что «классическая форма... задает свою меру всеобщего».

Литература

1. Аверинцев С.С. Ритм как теодицея [Текст] / С.С. Аверинцев // Новый мир. — 2001. — № 2. — С. 203–205.
2. Бельй А. На перевале [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_14_1907_arabesky.shtml (дата обращения: 05.09.2022).
3. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы литературы. — 1978. — № 12. — С. 269–310.
4. Бобылев Б.Г. Филологический анализ художественного текста: герменевтический подход: монография. [Текст] / Б.Г. Бобылев. — Орел: Изд-во Госуниверситет — УНПК, 2012. — 279 с.
5. Бобылев Б.Г. Научное наследие профессора О.Я. Гойхмана как методологическая и теоретическая основа новой рубрики журнала [Текст] / Б.Г. Бобылев // Современная коммуникативистика. — 2021. — № 6. — С. 49–52.
6. Брек Иоанн, прот. Хиазм в Священном Писании [Текст] / И.Брек. — М.: Изд-во Общедоступного православного университета, основанного протоиереем Александром Менем, 2004. — 352 с.
7. Выготский Л.С. Психология искусства [Текст] / Л.С. Выготский. — М.: Искусство, 1968. — 576 с.
8. Гадамер Г. Актуальность прекрасного [Текст] / Г. Гадамер. — М.: Искусство, 1991. — 314 с.
9. Гойхман О.Я. Территория коммуникативистики: поиск границ [Текст] / О.Я. Гойхман // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2015. — Т. 4. — № 5. — С. 5–7.
10. Гончарова Л.М. Современная коммуникативистика: многообразие проблем и многоаспектность задач [Текст] / Л.М. Гончарова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2021. — № 5. — С. 5–10.
11. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого [Текст] / Ж. Деррида. — СПб.: Академический проект, 2000. — 430 с.
12. Ванхузер К.Дж. Искусство понимания текста. Литературо-ведческая этика и толкование Писания [Текст] / К.Дж. Ванхузер. — Черкассы: Коллоквиум, 2007. — 736 с.
13. Метерлинк М. Трагедия каждого дня: собр. соч. — Т. 4 [Текст] / М. Метерлинк. — Петроград, 1915. — 290 с.
14. Нестеров А.Ю. Техническая герменевтика и семиотика [Текст] / А.Ю. Нестеров // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. — Самара: Самар. гуманит. акад., 2017. — С. 125–136.
15. Рикер П. Конфликт интерпретаций [Текст] / П. Рикер. — М., 1995. — 294 с.
16. Тисельтон Э. Герменевтика [Текст] / Э. Тисельтон. — Черкассы: Коллоквиум, 2011. — С. 182.
17. Саврей В.Я. Антропология и герменевтика в древней церкви (Александрийская школа и ее наследие) [Текст] / В.Я. Саврей // Сборник трудов кафедры библеистики Московской духовной академии. — М.: МДА, 2017. — С. 125–136.

Выводы

Миссионарная герменевтика представляет собой возвращение на новом уровне к филологической методологии экзегезы Александрийской школы, нацеленной не только и не столько на усвоение смысла, толкование текста, сколько на «объективное понимание», онтологическое измерение Библии, а также на «личное усвоение смысла текста как обращенного к читателю Божественного Слова». С позиции экзегетики слово представляет собой не только знак, заключающий в себе знание и определенную информацию, которая вкладывается в него извне, но также и самостоятельный источник знания и, более того, Откровения. Таким образом, в миссионарской герменевтике снимается противопоставление коммуникативного («технического») и онтологического (субстанционального) аспектов, «интерпретации» и «понимания», «метода» и «истины» [14; 21; 22]. Идейной основой миссионарской герменевтики является стремление к познанию Премудрости, отраженной в Библии. При этом под «премудростью» понимается не только человеческое знание о Боге, но и сам Разум Бога, которым создан мир. Возглашая во время православных богослужений: «Премудрость», мы также вспоминаем Разум, Слово, которым сотворен мир, «Имже вся быша» (2-й член Символа Веры). Тем самым то, что смутно прозревалось, интуитивно предчувствовалось александрийскими толковниками, получает свое ясное выражение и осознание в миссионарской герменевтике и православном богослужении как школе богоиспания.

ковской духовной академии. — Сергиев Посад, 2013. — № 1. — С. 37–81.

18. Святитель Григорий Богослов Архиепископ Константино-польский. Собрание творений в 2 т. / Григорий Богослов. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. — Т. 1. — 680 с.
19. Стилианопулос Т. Новый Завет. Православная перспектива. Писание, предание, герменевтика [Текст] / Т. Стилианопулос. — М., 2008. — С. 296, 231.
20. Пеннер П. Миссиология и герменевтика [Текст] / П. Пеннер. — Черкассы: Коллоквиум, 2014. — С. 122–132.
21. Шольц Г. Корни спора о герменевтике [Текст] / Г. Шольц // Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе: Граница и опыт границы в художественном языке. — Вып. 7. — С. 18–31.
22. Шпан А. Герменевтика интерсубъективности — понятие истины в философской герменевтике Ганса-Георга Гадамера и Карла-Отто Апеля [Текст] / А. Шпан // Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе: Граница и опыт границы в художественном языке. — Вып. 7. — С. 48–65.
10. Goncharova L.M. Sovremennaya kommunikativistika: mnogo-likost' problem i mnogoaspektnost' zadach [Modern communicative studies: the diversity of problems and the multidimensional nature of tasks. Modern communication studies]. 2021, I. 5, pp. 5–10.
11. Derrida ZH. Pis'mo i razlichie [Letter and distinction]. St. Petersburg: Academic Project, 2000. 430 p
12. Kevin Dzh. Vanhuzer. Iskusstvo ponimaniya teksta. Literaturovedcheskaya etika i tolkovanie Pisaniya [The art of understanding the text. Literary Ethics and the Interpretation of Scripture]. Colloquium, 2007. 736 p.
13. Meterlink M. Tragediya kazhdogo dnya [The tragedy of every day]. Petrogr., 1915. 290 p.
14. Nesterov A.YU. Tekhnicheskaya germenevtika i semiotika [Technical hermeneutics and semiotics. History. Semiotics. Culture: collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. Samara: Samar. humanitarian. akad., 2017, pp. 125–136.
15. Riker P. Konflikt interpretacij [Conflict of interpretations]. Moscow: 1995. 294 p
16. Tisel'ton E. Germenevtika [Hermeneutics]. Cherkassy: Colloquium, 2011, p. 182.
17. Savrej V.YA. Antropologiya i germenevtika v drevnej cerkvi (Aleksandrijskaya shkola i ee nasledie) [Anthropology and hermeneutics in the ancient Church (the Alexandrian School and its legacy)/ Proceedings of the Department of Biblical Studies of the Moscow Theological Academy]. Sergiev Posad, 2013, I. 1, pp. 37–81.
18. Svyatitel' Grigorij Bogoslov Arhiepiskop Konstantinopol'skij. [Collection of creations in 2 vols. Reprint edition. Holy Trinity]. Sergius Lavra, 1994. Vol.1. 680 p.
19. Stilianopoulos T. Novyj Zavet Pravoslavnaya perspektiva. Pisanie, predanie, germenevtika [The New Testament Orthodox Perspective. Scripture, tradition, hermeneutics]. Moscow: 2008, p. 296 p.231.
20. Penner P. Missiologiya i germenevtika [Missiology and hermeneutics]. Cherkassy: Colloquium, 2014, pp. 122–132.
21. SHol'tc Gyunter. Korni spora o germenevtike // Literaturovedenie i germenevtika. Fenomen granicy v literature: Granica i opyt granicy v hudozhestvennom yazyke [The roots of the dispute about hermeneutics. Literary studies and hermeneutics. The phenomenon of the border in literature: The Border and the experience of the border in the artistic language]. I. 7, pp. 18–31.
22. SHpan Andreas «Germenevtika intersub'ektivnosti- ponyatiye istiny v filosofskoj germenevtike Gansa- Georga Gadamera i Karla-Otto Apelya» Literaturovedenie i germenevtika. Fenomen granicy v literature: Granica i opyt granicy v hudozhestvennom yazyke [“Hermeneutics of intersubjectivity — the concept of truth in the philosophical hermeneutics of Hans-Georg Gadamer and Karl-Otto Apel” Literary studies and hermeneutics. The phenomenon of the border in literature: The Border and the experience of the border in the artistic language]. I. 7, pp. 48–65.

References

1. Averintsev S.S. Ritm kak teodiceya [Rhythm as theodicy]. Novy Mir. Moscow, 2001. I. 2, pp. 203–205.
2. Andrej Belyj. Na perevale. 2022 [On the pass.]. Available at: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_14_1907_arabesky.shtml (accessed 05 September 2022).
3. Bahtin M.M. Avtor i geroj v esteticheskoy deyatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity. Questions of literature]. Moscow, 1978, I. 12, pp. 269–310.
4. Bobylev B.G. Filologicheskij analiz hudozhestvennogo teksta: germenevticheskij podhod [Philological analysis of a literary text: a hermeneutic approach]. Orel: FGBOU VPO "Gosuniversitet — UNPK" Publ., 2012. 279 p.
5. Bobylev B.G. Nauchnoe nasledie professora O.YA. Gojkhmana kak metodologicheskaya i teoreticheskaya osnova novoj rubriki zhurnala [The scientific heritage of Professor O.Ya. Goikhman as the methodological and theoretical basis of the new journal heading. Modern Communication Studies]. 2021, I. 6, pp. 49–52.
6. Brek Ioann, prot. Hiazm v Svyashchennom Pisanii [Chiasm in the Holy Scripture]. M.: Publishing House of the Public Orthodox University, founded by Archpriest Alexander Men, 2004. 352 p.
7. Vygotskij L.S. Psihologiya iskusstva [Psychology of art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1968. 576 p.
8. Gadamer G. Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of the beautiful]. Moscow: Art Publ., 1991. 314 p.
9. Gojzman O.YA. Territoriya kommunikativistiki: poisk granic [Territory of communication studies: search for boundaries. Modern communication studies]. 2015, V. 4, I. 5, pp. 5–7.